

83.3(2Рос=Рус)1-8

В-81

ISSN 0236-2481

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВРЕМЕННОИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ



Выпуск 25



СА-235380

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЕ
КОМИССИИ

Выпуск 25

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

С. А. - 2055380
02
26
88



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

уже в 1838 г. П. А. Вяземский в Брайтоне был представлен Горацио Смигу, его имя не вызвало у него никаких ассоциаций — в записной книжке он равнодушно именуется своего нового знакомого «автором романов» и уделяет куда большее внимание его «пригоженькой дочери».²³

Неудивительно поэтому, что Пушкин, работая над статьей «О Милтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“», не смог точно вспомнить, где именно он много лет назад прочитал понадобившуюся ему сцену, и автоматически поместил ее в самый известный роман из кромвелевых времен — в вальтер-скоттовский «Вудсток», забыв о его сопернике-«двойнике». Как свидетельствуют черновые варианты тех мест в статье, которые имеют отношение к «Вудстоку», Пушкин весьма смутно помнил и эту книгу. Он колеблется, прежде чем ввести в текст ее название (вариант: «в Вальтере Скотте»), и ошибочно полагает, что Вудсток — это фамилия или имя героя (вариант: «встречу Вудстока с Милтоном»), которого на самом деле зовут Маркем Эверард (XII, 384). И эти ошибки — столь мало характерные для Пушкина — едва ли случайны. Скорее, они связаны со спецификой восприятия романов Вальтера Скотта как своего рода «формульных» текстов. В читательской памяти часто хранятся не имена и биографии вальтер-скоттовских героев, а их функции и признаки, не отдельные сюжеты, а их инварианты, не образы конкретных произведений, а набор типовых сцен, и потому копия талантливого имитатора с некоторой временной дистанции нередко может показаться подлинником.

Разумеется, нам остается только гадать, как поступил бы Пушкин, обнаружив свою ошибку. Он мог бы оставить в тексте цитату из «Брэмблтай-хауса», правильно указав ее источник; мог бы ввести ее по-иному, не называя имени автора или даже пойдя на мистификацию (как в близком по времени и теме случае с Вольтером); наконец, мог бы отказаться от нее и изменить концовку первой части статьи. Поскольку каждый из этих вариантов представляется вполне вероятным, мы, видимо, не имеем права включать в статью пассаж из романа Смита как конъюктуру. Однако свое место в комментарии он непременно должен занять.

А. Долинин

ДВЕ ЗАМЕТКИ ОБ А. С. ПУШКИНЕ И В. И. ДАЛЕ

1. К вопросу о поездке Пушкина из Оренбурга в Уральск осенью 1833 г.

В настоящее время существуют два мнения о маршруте Пушкина из Оренбурга в Уральск в сентябре 1833 г.: одни ученые полагают, что поэт

ского чародея, устремляет все свое внимание на материальную часть истории. Он мастер изображать природу мертвую, но не умеет рисовать природы живой и страстной. У него вы найдете большое изобилие бархату, кружева, шпор, шпанных ножен, которые доставляют ему по три страницы описаний, наручников и набедренников, которые он не оставляет, не рассмотрев всех частей, всех гвоздей их» (Сын Отечества. 1834. Т. 46, № 51. С. 548).

²³ Вяземский П. А. Записные книжки: (1813—1848). М., 1963. С. 245 (запись от 25 сентября 1838 г.).

заезжал в Илецкий городок,¹ другие возражают, говоря о спешности передвижения поэта.² Имеются и колебания на этот счет.³ Действительно, при заезде в Илецкий городок Пушкину пришлось бы значительно удлинить путь, переправиться на левый берег р. Урал, а затем обратно — ведь поэт, как принято думать, передвигался по правобережному почтовому тракту. Между тем есть основания считать, что Пушкин не только посетил Илецкий городок, но и продолжил свое движение к Уральску по левобережной степной дороге, которая была значительно короче.

Так, в пушкинских примечаниях к главе второй «Истории Пугачева» (IX, 100—101) довольно-таки конкретно говорится о расстоянии между крепостями от Оренбурга до Рассыпной, а вот упоминания о правобережье от Рассыпной до Уральска отсутствуют. Причем возле Рассыпной, как указано в примечании № 6, имеется брод, а протяженность пути до Илецкого городка составляет 25 верст. Не здесь ли переправился Пушкин на левый берег?

Видимо, при подсчете верст поэт в значительной мере опирался на собственные впечатления. Отсюда отличие от почтовых дорожников 1829 и 1831 гг., где от Оренбурга до Татишевой показана 61 верста,⁴ а в примечании № 11 — 54 версты с уточнением: «прямой дорогою»; до Нижне-Озерной в дорожниках — 91, а в примечании № 9 — 82 версты; до Рассыпной в дорожниках — 111 верст, а в примечании № 6 — 101; до Уральска в дорожниках — 304 версты, а в примечании № 5 читаем: «Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга⁵» (всего 269 верст). 269 верст обозначено и в «Кратком статистическом взгляде на Оренбургскую губернию сенатора Дебу 1833 г.»,⁶ написанном не менее чем за полгода до приезда Пушкина в Оренбург.⁷ Однако отмеченное здесь расстояние между вышеупомянутыми крепостями дано безотнositельно к Оренбургу,⁸ а местоположение Илецкого городка в метрических величинах вообще не выявлено. Скорее всего, Дебу, будучи гражданским губернатором, резиденция которого находилась в Уфе, механически воспользовался полученными из Оренбурга сведениями. Во всяком случае сопоставление с картой Оренбургской губернии 1831 г., приложенной ко «Взгляду», приводит к существенному несовпадению в верстах.⁹

¹ См., например: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 273.

² См.: Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 119.

³ Ср.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами: («История Пугачева»). Л., 1969. С. 43; Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. 2-е изд., испр., доп. М., 1985. С. 91.

⁴ Почтовый дорожник... СПб., 1829. С. 347—348; Карманный почтовый путеводитель... СПб., 1831. С. 686.

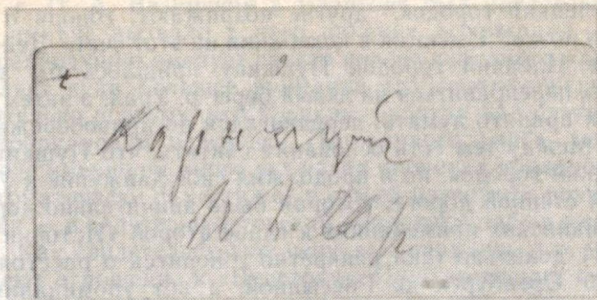
⁵ При окончательном подсчете Пушкин несколько «выпрямил» дорогу: до Илецкого городка от Оренбурга должно быть 126 верст (101 до Рассыпной и 25 от Рассыпной до Илецкого городка).

⁶ ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5898, ч. II, с. 180 (далее — «Взгляд»).

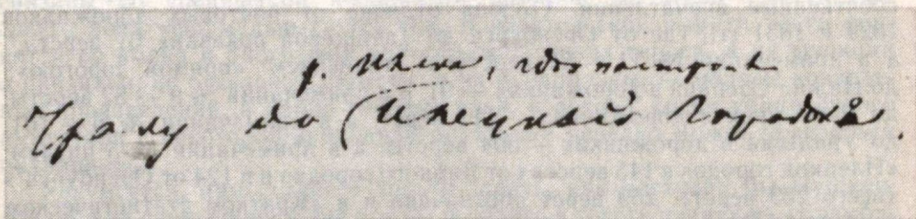
⁷ В тексте «Взгляда» неоднократно упоминается «нынешний оренбургский военный губернатор» П. П. Сухтелен (там же, с. 205, 255). Он умер в марте, а в июне его должность занял В. А. Перовский, о чем сам сообщил в своем отчете за 1833 г. (ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5898, ч. 1, с. 1).

⁸ На с. 235—236 «Взгляда» сказано: «Нижнеозерная крепость (<...>) находится в 28 верстах от крепости Татишевой и в 19 верстах от Рассыпной».

⁹ По этой карте, составленной старшим землемером 14-го класса Николаем Симоновым и заверенной старшим землемером титулярным советником Андреевым,



Запись рукой В. И. Даля в дорожной тетради
А. С. Пушкина (ПД, № 844, л. 6).



«Записка о назначении положительных пределов земли Войска Уральского».
Автограф В. И. Даля. Фрагмент (ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 30).

На правобережье у Пушкина не было никаких особых «пугачевских» интересов, так как все форпосты от Уральска до Илецкого городка сдавались Пугачеву без боя в сентябре 1773 г., а сам их захват не вносил существенных изменений в расстановку сил. Только после падения Илецкого городка Пугачеву удалось значительно пополнить свой отряд людьми и артиллерией.¹⁰

Продвижение по малонаселенному левому берегу позволяло свести до минимума вероятность заражения холерой, свирепствовавшей осенью 1833 г.,¹¹ но предполагало в целях безопасности наличие сопровождающего. Ввиду нехватки компетентных чиновников¹² выбор падал на Даля, коротко знакомого с Пушкиным.¹³ Даль хорошо знал левобережную дорогу — ведь незадолго до приезда Пушкина в Оренбург он вернулся сюда из длительной командировки в «земли войска Уральского» именно «степ-

с масштабом «в градусе российских 105 верст» между Уральском и Оренбургом значилось немногим более 200, а по другому источнику (см.: Почтовый дорожник. . . СПб., 1824. С. 49—50, 324) — 250 верст. Подобные указания следует признать ошибочными, если везде под верстой подразумевалось одно и то же расстояние.

¹⁰ См.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 109—110, 121.

¹¹ ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5898, ч. 1, с. 24.

¹² «Недостаток в способных чиновниках было первое и важнейшее обстоятельство, останавливавшее военного губернатора на каждом шагу нового поприща его» (там же, с. II).

¹³ См. мою статью: Сентябрь 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1990. Вып. 24. С. 104—116.

ною дорогою через Илецкий городок». ¹⁴ К тому же в дорожной тетради поэта ¹⁵ и в его «Оренбургских записях» (XI, 495—497) упоминаются Татищева, Нижне-Озерная, Рассыпная, Илецкий городок, но нет, как и в примечаниях к главе второй «Истории Пугачева», ни одного намека на последующие правобережные станции. Отсутствуют также свидетельства современников о пребывании здесь поэта, чего и не могло быть, если он продвигался по левобережью.

По дороге в Уральск в тетради (IX, 492—493) появилась карандашная запись, сделанная рукой неустановленного до сих пор лица: «Карницкий» и ниже: «Ил(ецкий) Гор(одок)». ¹⁶ Этим же карандашом заполнена вся тетрадь. Очевидно, слова записывались наспех, и тетрадь держали на весу, даже перевернув ее наоборот. Отсюда неровность почерка, что затрудняет его идентификацию.

Первое слово «Карницкий», где автор пытался выводить каждую букву отдельно, лишь отдаленно сохранило индивидуальные признаки написания. А вот орфографические особенности словосочетания «Ил(ецкий) Гор(одок)», на наш взгляд, позволяют считать их принадлежащими Далю. Ниже воспроизведен фрагмент из относящейся к сентябрю 1833 г. «Записки о назначении положительных пределов земли Войска Уральского». ¹⁷ Конечно, «Записка» создавалась в более благоприятной обстановке и писалась чернилами. Но тем заметнее сходное написание букв «И», «л», «Г», «р», «ц».

Определенная деформация орфографии дополнительно вызывалась затруднениями в выборе масштаба письма (ср. заглавную букву «К» в слове «Карницкий» и букву «о» в слове «Гор(одок)»). Дело в том, что величина букв в записной книжке Даля была значительно меньше. Вероятно, сама фактура карандаша и условия записи не позволяли сохранить привычную манеру.

Под фамилией «Карницкий», напомним, подразумевался сержант Кальминский. ¹⁸ Только в 1836 г. Пушкин приобретает «Записку полковника Пекарского. . .», где изложена судьба Кальминского, правда в отличной от «Истории Пугачева» версии (IX, 598—616). ¹⁹ Несмотря на то что «Записка» Пекарского при попытке публикации ее М. Сахаровым была отвергнута цензорами, Пушкин хотел использовать ее во втором издании своего исторического труда. ²⁰ Издание это, как известно, не состоялось, но намерение Пушкина осуществил Даль, опубликовавший «Записку» в 1841 г. ²¹ По всей видимости, судьба Карницкого-Кальминского интересовала Даля и спустя 8 лет после совместной поездки с Пушкиным в Уральск.

¹⁴ Белый А. Рапорт Даля // Простор. 1980. № 3. С. 138.

¹⁵ ПД, ф. 244, оп. 1, № 844.

¹⁶ Там же, л. 6.

¹⁷ ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 30 (обратной нумерации). «Записка» имела и другое название: «О подземельных нуждах Войска Уральского и о положительном разграничении земель казачьих с соседними землями и губерниями».

¹⁸ Напрашиваются два предположения: либо фамилия сержанта была передана пугачевцами и в таком виде сохранилась в памяти рассказчика, либо рассказчик страдал недостатками артикуляции.

¹⁹ См.: Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. С. 79—87.

²⁰ См.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами: («История Пугачева»). С. 181—185.

²¹ Москвитянин. 1841. № 6. С. 438—468.

2. К истолкованию песни «Не шуми, мати зеленая дубровушка» в «Капитанской дочке» Пушкина

Сцена исполнения пугачевцами песни «Не шуми, мати зеленая дубровушка» (VIII, 330—331) чрезвычайно важна для понимания идейно-художественной концепции «Капитанской дочки». ²² Напечатанный в VIII главе песенный текст занимает центральное место в романе, состоящем из 14 глав, и воспроизведен полностью в отличие от других обильно цитируемых здесь поэтических фрагментов. Более того, ситуация выбора между долгом и бесчестьем, правдой и ложью, жизнью и смертью перед лицом царя (рока), столь ярко выраженная в песне, постоянно возникает во взаимоотношениях Гринева и Пугачева.

Четыре раза вершит суд над Гриневым Пугачев и получает, как и «государь-царь» в песне, четыре неробких ответа (ср. в песне: «Что товарищей у меня было четверо. . .»). Ни приговор к повешению, ни предложение Пугачева служить на его стороне, ни разбирательство при пленении в лагере повстанцев, ни раскрытие обмана с мнимой племянницей не заставляют Гринева изменить себе. Ожидая решения своей участи, он по сути уподобляется «доброму молодцу»: «. . . а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать. Поутру пришли меня звать от имени Пугачева» (VIII, 351). Ср. в песне:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.

Герои романа постоянно меняются местами: и «подсудимый» Гринев оказывается в роли «судьи», и Пугачев в роли «подсудимого». Так, услышанная песня возбуждает у Гринева мысли о неминуемой казни пугачевцев. Причем тут же, буквально цитируя песню, он говорит Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду» (VIII, 332). Здесь же Гринев высказывает сомнение в праве «Петра III» на престол. И в ответ Пугачев в полном соответствии с поведением «доброего молодца» бросает встречный вызов: «А разве нет удачи удалому?». Или вот по дороге в Белогорскую крепость Гринев, судьба которого, казалось бы, целиком зависит от Пугачева, задает ему весьма непростые вопросы. А что же Пугачев? Как и «добрый молодец», он отвечает дерзкой аллегорией, рассказывая «калмыцкую сказку».

Несмотря на разномасштабность личностей Гринева и Пугачева они, с точки зрения нравственной, ведут себя как суверенные, уважающие друг друга стороны. Это-то и позволяет им найти взаимопонимание, почувствовать «коренное духовное родство при всей противоположности своих классовых интересов». ²³ Не вдаваясь в дальнейшие сопоставления, заметим, что роман во многом написан по мотивам русской народной песни «Не шуми, мати зеленая дубровушка».

«Капитанская дочка» была напечатана в четвертом томе «Современ-

²² См. об этом: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы: (1833—1836). Л., 1982. С. 387—388; Степанов Л. А. «Отличительная черта в наших нравах. . .»: К поэтике комического в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. Горький, 1986. С. 120—121.

²³ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 265.

ника» за 1836 г., а впервые начальные две строки песни возникают в главе XIX повести «(Дубровский)» (VIII, 222) между 15 января 1833 г. (дата, проставленная в конце рукописи XVIII главы) и 22 января 1833 г. (дата в рукописи XIX главы после слов «не велел отлучаться», — VIII, 833). Источником песенного текста, согласно указанию Пушкина в автографе романа (VIII, 882, 923), был сборник М. Д. Чулкова в издании Н. И. Новикова «Новое и полное собрание российских песен» 1780 г. Однако встает вопрос, почему поэт заинтересовался песней в январе 1833 г. Думается, именно Даль, познакомившийся с Пушкиным в конце 1832 г.,²⁴ привлек его внимание к этой песне.

23 марта 1833 г. в «Северной пчеле» появилось развернутое извещение (а по сути рецензия) Даля о предстоящем выходе²⁵ второго сборника песен И. А. Рупина (Рупини),²⁶ с которым Пушкин находился в хороших отношениях.²⁷ Рецензия (за подписью «Владимир Луганский») начиналась с изложения просьбы Казака Луганского «похвалить имеющее вскоре выйти издание русских песен И. А. Рупини, завезенное к нему кем-то в рукописи. . .».²⁸ По нашему мнению, не будет большим преувеличением признать под «кем-то» непосредственно Даля. Дело даже не в том, что Казак Луганский и Владимир Луганский досконально знают песни еще за месяц до выпуска их в свет. Основное внимание в рецензии уделено текстам, существенно углубляющим социальную проблематику второго сборника Рупина по сравнению с предыдущим.²⁹ Речь прежде всего идет о впервые представленной в нотной записи песне «Не шуми, мати зеленая дубрава» (вариант «Не шуми, мати зеленая дубровушка»), а также о первых публикациях песен «Не белы то снеги» и «Что не пыль в поле пылит»,³⁰ явно записанных в казачьей среде.³¹ Напомним, участвуя в качестве доктора в русско-турецкой кампании 1829 г. и в польском походе 1831 г., Даль активно собирал фольклор. Обстановку общения с казаками и солдатами Даль воспроизвел в сентябре 1832 г. в заметке о своей собственной

²⁴ См.: Порудоминский В. И. Даль. М., 1971. С. 140.

²⁵ Сообщение о поступлении в продажу песен И. А. Рупини см.: «Северная пчела». 1833, 27 апреля. № 92. С. 366.

²⁶ Народные русские песни, положенные на один голос и на голоса хоровые с аккомпанементом фортепиано Иваном Рупини. Тетрадь вторая. СПб., 1833. Н. д. 1607. — Выражая искреннюю благодарность сотрудникам библиотеки ГЦММК им. М. И. Глинки за доброжелательную помощь в обнаружении этой чрезвычайно редкой книги.

²⁷ См.: Кони Ф. Русский певец и композитор Иван Алексеевич Рупини: (Некролог) // Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Т. 2, № 4, отд. «История искусства». С. 33; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 380.

²⁸ Северная пчела. 1833, 23 марта. № 66. С. 261.

²⁹ В первом сборнике Рупина 1831 г., посвященном императрице, преобладали лирические образцы преимущественно для женского исполнения. За этот труд Рупин «удостоился награждения бриллиантовым перстнем» (Северная пчела. 1831, 10 февраля. № 32, отд. «Музыка»).

³⁰ См.: Музыкальная энциклопедия. М., 1978. Т. 4. Стб. 754; Б а ц е р Д. М., Ра б и н о в и ч Б. И. Русская народная музыка: Нотографический указатель: (1776—1973). М., 1984. Ч. 2. С. 16, 260, 270, 389.

³¹ В рецензии читаем: «Сват и тезка мой в особенности возрадовался родной своей казачьей песне „Не белы снеги. . .“; «в честь песни „Что не пыль в поле пылит“. . ., которую сложили и певали ратники наши и ополченные в 1812 году, снял он шапку и перекрестился»; «Песни же „Не шуми мати зеленая дубрава. . .“ не может наслушаться» (Северная пчела. 1833, 23 марта. № 66. С. 262).

еще находящейся в печати книге «Русские сказки».³² Кстати, как и рецензия на сборник Рупина, заметка (также за подписью «Владимир Луганский») строилась в виде комментирования просьбы Казака Луганского напечатать присланные им сказки и утверждала национальную самобытность народного творчества.

Предварительное сообщение о предстоящем выходе («в непродолжительном времени») песен Рупини появилось в «Северной пчеле» тремя неделями ранее рецензии Даля.³³ Таким образом, завершение авторской работы над сборником следует отнести к первой половине февраля, саму работу — к январю, что максимально приближает нас к датам, проставленным Пушкиным в рукописи повести «Дубровский».

Имеются аргументы и иного порядка. В рецензии Даля о песне «Не шуми, мати зеленая дуброва» на с. 262—263 сказано: «Эта песня сложена, и слова и голос, известным разбойником Ванькою Каиным и принадлежит несомненно к числу истинно н а р о д н ы х песен, сочиненных без всяких познаний умозрительных в искусстве пиитики и генерал-баса, но вытесненных избытком чувств из груди могучей, из души глубокой, воспрянувшей при обстоятельствах необыкновенных». Данная характеристика напоминает описание впечатлений Гринева в «Капитанской дочке»: «Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом». К тому же это «любимая песенка» Пугачева — а Казак Луганский «не может наслушаться» ее.

Немаловажно и приводимое Далем народное предание о Ваньке Каине.³⁴ Хотя устами Гринева Пушкин называет песню «бурлацкой»,³⁵ а не «разбойничьей», в оттенках значений оба слова сближаются друг с другом.³⁶ Одновременно пушкинское определение заключало в себе и более конкретный смысл. В популярной книге о Ваньке Каине, неоднократно переиздававшейся с приложением его любимых песен,³⁷ говорится: «...Каин, выезжая от Москвы за несколько верст, оные (струги, — Ю. Ф.) останавливал и пересматривал у бурлаков пашпорты, в числе которых много нахаживал бурлаков беглых с воровскими пашпортами, только никогда почти их не приводил куда надлежит, но, взяв с них и с их хозяина подарки, оставлял на тех стругах. Сие то подало причину к сочинению о Каине нижеобъявленной под номером 1-м песни».³⁸ Прило-

³² См.: Северная пчела. 1832, 6 сентября. № 206, отд. «Новые книги».

³³ Там же. 1833, 2 марта. № 48. С. 190.

³⁴ В то время существовала устойчивая традиция, связывающая песню с именем Ваньки Каина (см.: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Л., 1977. Т. 1. С. 301).

³⁵ Согласно распространенному мнению, это подчеркивало близость Пугачева к крестьянской массе (см.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. С. 281). Вместе с тем в «Истории Пугачева» и в приложениях к ней распеваемые повстанцами песни также названы «бурлацкими» (IX, 27, 324).

³⁶ Ср.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 143; М., 1980. Т. 4. С. 14.

³⁷ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 1. С. 414—415.

³⁸ История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. М., 1792. С. 93.

женное здесь же «Собрание разных Кайновых песен» открывалось на с. 99—100 текстом «Не шуми, мати зеленая дубровушка».³⁹

Описание песни пугачевцев в «Капитанской дочке» обращает нас к сборнику Рупина⁴⁰ и заставляет предполагать, что Пушкин слышал песню в хоровом исполнении.⁴¹ На наш взгляд, это было трио в составе Даля,⁴² его жены и камер-юнкера Дурасова. Пользовавшееся успехом у оренбургской публики трио активно популяризировало фольклорный репертуар,⁴³ и можно смело утверждать, что его участники ориентировались на сборник Рупина, где народные мелодии были переложены «на голоса хоровые». Не исключено, что к трио присоединялись и другие любители вокала.

Возвращаясь к рецензии Владимира Луганского в «Северной пчеле» от 23 марта 1833 г., подчеркнем, что незадолго до поездки Пушкина в Оренбуржье Даль выступил в качестве его единомышленника во взглядах на устное народное творчество⁴⁴ и, в частности, в оценке великой русской песни «Не шуми, мати зеленая дубровушка».

Ю. П. Фесенко

А ВСЕ-ТАКИ ГАННИБАЛ

12 сентября 1986 г. еженедельник «Ленинградский рабочий» в рубрике «Поиски и находки» опубликовал мой очерк «Загадка старого портрета» об экспонируемом во Всесоюзном музее А. С. Пушкина портрете темнокожего генерала, десятки лет числящемся изображением прадеда Пушкина А. П. Ганнибала, но в последнее время некоторыми исследователями решительно переаннотированном в И. И. Меллера-Закомельскими на том основании, что ордена и цвет шитья на мундире генерала не те, что принадлежали Ганнибалу, а те, что могли принадлежать только Меллеру-Закомельскому. Против такого неправомерного, с моей точки зрения, переаннотирования я возражал в своем очерке.

В 10-й книжке «Панорамы искусств» в 1987 г. доктор исторических наук А. Г. Тартаковский выступил в защиту «меллеровской» версии

³⁹ Согласно указанию Л. Б. Моздалевского (см.: Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 997) в библиотеке Пушкина имелась книга о Ваньке Кайне изд. 1782 г. с добавлением в названии: «...писанная им при Балтийском Порте в 1764 году».

⁴⁰ См. об этом: Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. М.; Л., 1950. С. 263—265; Попова Т. В. И. А. Рупин и его собрание народных песен // Рупин И. А. Народные русские песни. М., 1955. С. 16—18.

⁴¹ См.: Пропп В. Я. О русской народной лирической песне // Народные лирические песни. Л., 1961. С. 37; Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Л., 1977. С. 134.

⁴² Как известно, в Оренбурге Пушкин проживал в доме Даля (см.: Даль В. И. Воспоминания о Пушкине: Авторизованная копия. — ГПБ, ф. 234, ед. хр. 2, л. 1).

⁴³ Письма из Оренбурга 1833 года // Русский архив. 1902. № 8. С. 653, 658. О Дурасове см. здесь же, на с. 645; он был прикомандирован «по высочайшему повелению к военному губернатору» и возглавил в Оренбурге вновь организованное Отделение прошений (ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5898, ч. 1, с. 6).

⁴⁴ См., например: Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. С. 201.